

А. В. Буйских, А. А. Денисова, А. В. Ивченко

ЗОЛОТЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ОЛЬВИИ

Рассмотрены изделия из золота, найденные в Ольвии. Определены основные типы изделий — детали венков, украшения, декор костюма; время их изготовления; поставлен вопрос о сходстве и отличии набора украшений в античном городе и варварской среде.

Ключевые слова: Ольвия, некрополь, золотые ювелирные изделия, венки, серьги, кольца, бляшки.

Пристальный интерес к изделиям из драгоценных металлов из Ольвии появился еще до начала стационарных раскопок и был связан с грабительскими поисками сокровищ по всей территории ольвийского некрополя. Золотые изделия входят в постоянный перечень находок при первых стационарных исследованиях некрополя. Из раскопок некрополя И.К. Суручаном происходит «простой золотой перстень» [ОАК за 1882—1888 гг., с. СХ], В.Н. Ястребовым найдены «золотая пластинка в виде листика», «маленький смятый золотой листик», «золотой листик от погребального венка» [ОАК 1894 г., с. 99, 101]. И только с именем Б.В. Фармаковского связан регулярный учет таких находок, а позднее — их первая научная обработка. В отчетах он постоянно давал перечень найденных вещей, однако, с редкими фото. Это — серьги [ОАК 1896 г., с. 204, рис. 585; с. 210, рис. 601]; пуговицы, бляшки, бусы, колечко, пряжечка, «серьги с рогатыми львиными головками», «лепестки из венцов», «обрывки золотых нитей», найденные в 1901 г. [Фармаковский, 1903, с. 60, 61; 1903а, с. 18, 19, рис. 39]; «две маленьких золотых пуговицы» и «двадцать восемь тоненьких золотых лепестков от венков» из склепа Еврисивия и Ареты [Фармаковский, 1902, с. 15]; «мелкие золотые украшения» из

склепа Зевсова кургана [Фармаковский, 1906, с. 30], «три золотых бляшки в форме звездочек, золотая буса», «золотая пуговица», «золотой резной перстень», «золотой перстень с резным изображением льва», «золотая серьга с алмазным и привеской в виде палицы Геракла и со стеклышком внизу», лепестки золотых венков, «золотые бусы в форме трубочек», «золотые блески», найденные в 1902 и 1903 гг. [Фармаковский, 1906, с. 125, 126, 128, 129, 131, 139, 142, 143, 154, 160, 164, 165; 1904, с. 12; 1906а, с. 20]; «золотая нитка» из раскопок 1907 г. [Фармаковский, 1910, с. 65]. Были также найдены «архаические серьги из электра, золотое архаическое ушное украшение, золотые бусы, золотые мелкие пуговицы в форме полушариков, архаическое ожерелье, состоявшееся из ромбиков, украшенных филигранью и зернью» [Фармаковский, 1909, с. 94, 95, рис. 116—119].

Приобретались и вещи из хищнических раскопок некрополя, среди них — «золотой перстень с изображением головы Афины, золотая круглая брошка, украшенная сирийским гранатом и эмалью, пара золотых витых серег с львиными головками на концах» [Фармаковский, 1909, с. 100]. Золотые предметы, включающие «десять золотых тонких штампованных круглых бляшек с изображением женской головы с накиннутым покрывалом, обращенной вправо, восемь таких же бляшек с изображением головы Медузы, семь таких же бляшек полуэллиптической формы с изображением пальметок», «золотая подвеска в виде женской головки с большой стефаной, украшенной филигранным узором с синей эмалью», «золотой проволочный перстенок, три золотые шарообразные пронизи» происходят из кургана, раскопанного в 1912 г. Кроме того, были найдены

© А.В. БУЙСКИХ, А.А. ДЕНИСОВА, А.В. ИВЧЕНКО, 2016

«две пары золотых ушных украшений своеобразного типа», «пара золотых проволочных серег в виде колечек, каждая с тремя подвесками в виде птичек». Из покупок упомянуты «пара серебряных проволочных серег в виде колец с золотыми подвесками, представляющими лежащих на прямоугольных основаниях львов, золотой многогранник, украшенный инкрустацией из красного стекла» [Фармаковский, 1916, с. 33—35, рис. 53]. Раскопки 1913—1915 гг. дали две пары серег, четыре серьги в виде замочков, два ушных украшения, подвеску в виде львиной головы, подвеску в виде лунницы, различной формы бусины, перстенок, три сердцевидные нашивки, миниатюрный флакончик с крышечкой [Фармаковский, 1918, с. 40]. Золотые вещи происходили и из раскопок в городе [Фармаковский, 1906, с. 171, 174]. Все эти находки, как правило, поступали на хранение в Эрмитаж, создавая, таким образом, базу для дальнейшего их изучения. Одной из последних покупок Б.В. Фармаковского была золотая подвеска в виде львиной головы [Фармаковский, 1924—1925, с. 163, рис. 21]. Неотъемлемой частью ольвийской коллекции является также собрание А. Фогеля, поскольку его основу составили вещи, происходящие из грабительских покоев некрополя. Это 66 предметов из золота, включая парные витые серьги, в т. ч. с львиными головами, браслеты, подвески, кольца, перстни, антропо- и зооморфные подвески, розетки [Boehlau, 1908, Kat. N 1207—1263, Abb. 59—62], впоследствии разошедшиеся по разным музейным собраниям Европы.

Пять пар золотых «ушных украшений своеобразного типа» с круглыми дисками, украшенных львиными головками, а на концах дужек — бараньими головками, опубликованы отдельно, отнесены к ионийскому производству середины VI в. до н. э. [Фармаковский, 1913, с. 24—26, табл. IX, 1—7]. В дальнейшем информация о находках золотых вещей в погребениях некрополя стала редкостью, как, например, упоминание о перстне с резным камнем из раскопок 1930 г. [Каряка, 2015, с. 196]. Ранние же находки лишь переопубликовывались в контексте изучения архаического некрополя [Капошина, 1956, с. 180, 181, рис. 21, 2; затем с лучшим для своего времени анализом: Скуднова, 1988, с. 21—23; см. также краткую информацию о золотых масках и лицевых пластинах: Папанова, 2006, с. 207—209, рис. 94]. К сожалению, даже этого нельзя сказать о публикации материалов некрополя классического [Козуб, 1974, с. 87—90] и эллинистического [Парович-Пешикан, 1974, с. 101] времени. М.В. Скржинской принадлежит еще один краткий обзор украшений из позднеархаического некрополя, предпринятый на основании тех же источников [Скржинская, 1987, с. 175 сл.].

Работ с современной интерпретацией ольвийских находок из золота, весьма немного. Следует упомянуть их публикацию в контексте изу-

чения золотых украшений эллинистического времени из Средиземноморья и Причерноморья [Pfrommer, 1990, S. 372 f., Kat. N OR 243 ff.], однако, авторские датировки вызывают в целом ряде случаев обоснованные сомнения. На этом фоне необходимо выделить работы М.Ю. Трейстера, посвященные детальному изучению отдельных категорий ольвийских украшений из дореволюционных раскопок и музейных приобретений [см. напр.: Трейстер, 1993, с. 87 сл.; Treister, 2004, p. 199 ff.], а также монографическое исследование, посвященное произведениям ювелирного искусства из Северного Причерноморья II в. до н. э. — II в. н. э. В нем собраны, определены и продатированы вещи, найденные во второй половине XIX — начале XX в. при грабительских покопах некрополя Ольвии, в настоящее время хранящиеся в разных музеях мира [Мордвинцева, Трейстер, 2007, кат. № С/1.5.4 и сл.]. Материалы из дореволюционных раскопок Ольвии вошли в появившийся недавно сводный каталог греческого золота из собрания Эрмитажа [Калашник, 2014].

На этом фоне очевидно, что материалы Ольвийской экспедиции последних десятилетий весьма запаздывают с научной обработкой и публикацией. Исключением можно считать лишь украшения из ближайшего к Ольвии некрополя у Широкой балки [Папанова, 1993, рис. 32], но опубликованные без соответствующей интерпретации. Это означает, что массовая ольвийская коллекция ювелирных изделий до сих пор неизвестна. Недостаток информации особенно ощутим при сравнении с аналогичными публикациями материалов из других северопричерноморских центров и некрополей (см. напр.: [Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2010; Журавлев, Новикова, Шемаханская, 2014; Трейстер (ред.), 2015; Новичихин, Галут, 2013]).

Несмотря на то, что фонд ольвийских ювелирных изделий из золота пополняется медленно, они заслуживают публикации¹. При разработке их типологии нами использована схема, разработанная М.Ю. Трейстером² по материалам Фанагории [Трейстер, 2015], внутри каждой из групп вещи рассмотрены в хронологическом порядке. При описании конструкции украшений и их отдельных элементов использованы соответствующие специальные работы (см. подр.: [Шапова, Лихтер, Сарачева, Столярова, 2007, с. 15 сл.; Сапрыкина, 2015, с. 208 сл.]).

1. Коллекции хранятся в разделе I Научных фондов ИА НАН Украины, включают материалы из раскопок некрополя и городища Ольвии с 1970 по 2015 гг. В публикацию не вошли изделия из серебра и монеты из драгоценных металлов, поскольку являются темой отдельных исследований. Подробную информацию о находках см. в приложении.

2. Авторы выражают глубокую признательность М.Ю. Трейстеру за дружеские советы, высказанные им при знакомстве с рукописью этой работы.

К статье
 А. В. Буйских, А. А. Денисова, А. В. Ивченко
 ЗОЛОТЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ОЛЬВИИ

Рис. 1. Золотые ювелирные изделия из Ольвии: 1—4 — листки и пластина от венка македонского типа; 5—32 — трилистники и пластины от погребальных венков; 33—37 — серьги

К статье
 А. В. Буйских, А. А. Денисова, А. В. Ивченко
 ЗОЛОТЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ОЛЬВИИ

Рис. 2. Золотые ювелирные изделия из Ольвии: 38—45 — подвески; 46—58 — пронизы и бусины; 59—62 — кольца; 63—71 — нашивные бляшки; 72—74 — фрагменты изделий; 75—76 — заготовки изделий

Венки. С городища происходят три резных листка из фольги, два из которых сохранились почти целыми, от третьего — верхняя часть (здесь и далее см. вклейку: рис. 1, 1—3). Вместе с венками найдена пластина с резным зубчатым краем из более плотной фольги (рис. 1, 4). Вытянутая треугольная форма листков с острыми долями позволяет видеть в них дубовые листья. Венки из дубовых листьев широко известны в македонских некрополях — в Синде, Вергине, Амфиполе, Дервени и др., а также святилище Эвклеи в Эге ([Andronicos, 1994, fig. 137; 184; Musti et al., 1992, cat. 146—148; Kyriakou, 2014, p. 258 ff., fig. 8, 12, 13 ff.]; о македонских венках см. подр.: [Tsigarida, 2006, p. 139 ff.]), где они датируются второй половиной IV в. до н. э.; см. также дубовые венки из некрополя Таранто первой половины II в. н. э. [Juliis (et.), 1984, cat. 33—42]. Следует, однако, отметить, что ольвийские листки по форме несколько отличаются от листьев на македонских дубовых венках, поэтому они не являются их полной копией. Наиболее близкой аналогией является веночек из Пергама, отнесенный ко второй четверти III в. до н. э. — дубовый веночек имеет листья аналогичной пирамидальной формы с заостренными долями и с тисненными прожилками [Jacobsthal, 1908, Taf. XXV, 1; Pfrommer, 1990, Kat. N НК 62]. Зубчатая пластина, возможно, служила одной из деталей при креплении листьев на тканевую или кожаную основу, однако утверждать это наверняка не представляется возможным — венки македонского типа имели иное крепление на жесткой основе. В Северном Причерноморье подобные венки нам практически неизвестны¹. Только из тризны у кургана Зеленская Гора происходит дубовая ветвь с желудями, возможно, составлявшая часть венка [Калашник, 2014, с. 202, 203]. Датировка ольвийских листков раннеэллинистическим временем кажется наиболее предпочтительной. Определенные сложности представляет их интерпретация — вряд ли их следует трактовать только как составную часть погребального венка. В Ольвии, как известно, в эллинистическое время существовала практика награждения отличившихся граждан золотыми венками [см. подр.: Русяева, 1989, с. 27], поэтому находка золотых листков на городище, не исключено, подтверждает этот факт.

Остальные листки от венков, найденных в погребениях, представлены двумя типами. Листки *первого типа* имеют форму удлиненных трилистников с заостренными концами, без

черешков, с тисненными прожилками, дают три варианта размеров — средние, наиболее встречаемые (рис. 1, 5—12), крупные (рис. 1, 13, 14) и мелкие (рис. 1, 15—21). Пара больших листков найдена в одном погребении с прямоугольной пластиной из фольги (рис. 1, 27). Листок средних размеров найден с тремя пластинками (рис. 1, 12, 28—30) и двойной пронизью в комплексе одного погребения. Шесть средних и шесть мелких однотипных листков, а также один мелкий ромбовидной формы (рис. 1, 5—10, 15—21), обнаруженный в склепе II в. н. э., составляли один погребальный веночек [Козуб, Папанова, 1983/316, с. 14, 15, табл. 12]. Аналогичные по форме и размерам листки найдены на Боспоре, датируются I—II вв. н. э. [Трейстер, 2015, с. 93]. Известны они и в Средиземноморском регионе с аналогичной датировкой [Juliis (et.), 1984, p. 76, 5, cat. 26a; Pologgiorgi, 1998, MQ 332]. Наборы из шести пар больших и мелких листков известны в погребениях некрополя Фанагории, в том числе вместе с прямоугольными пластинками [Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2010, кат. № 557, 568—570, 577, 579, 580; Трейстер, 2015, с. 89]. Аналогичные листки-трилистники и мелкие ромбовидные, также в сочетании с прямоугольными пластинами, найдены в Херсонесе [Пятышева, 1956, табл. VI, 6] и в варварских могильниках Крыма [Пуздровский, 2007, рис. 122; вклейки 1, 2; 11, 6; Мордвинцева, Трейстер, 2007, кат. № А282.1].

Листки *второго типа* крупные, ромбовидной формы, скорее всего, с удлиненным черешком и с гофрированными прожилками. Не менее шести листков от одного венка (всего 29 единиц с мелкими фрагментами) (рис. 1, 22—26) найдены в составе инвентаря погребения I склепа I—II вв. н. э. [Крапивина, Ивченко, Диденко, Ланг, 2007/71, с. 8, 9, табл. 62]. Вместе с листками найдено две прямоугольные пластины (рис. 1, 31, 32) и мелкие фрагменты. Аналогичные листки также характерны для первых веков н. э., они известны по материалам Средиземноморья [Juliis (et.), 1984, p. 76, 6, cat. 26b]. Подобные пластины входили в состав погребальных диадем, хорошо известных в наборе аналогичных изделий на Боспоре (Трейстер, 2015, с. 98 сл., кат. № 49, 50, 52—55, 160, 186, 187, 189 и сл.), хотя в Ольвии неизвестны полосы фольги с крючками-застежками на концах.

Серьги. Наиболее ранней является серьга, состоящая из дужки, на которую надета подвеска в виде астрагала (рис. 1, 33). Дужка свернута из полоски фольги так, что вытянутый заостренный конец входит в свернутый трубкой противоположный. Подвеска соединена с дужкой при помощи припаянной с узкой боковой стороны проволочной петельки. Астрагал двусторонний, обе стороны оттиснуты в формах и спаяны по бокам, по центру одной из лицевых сторон имеется маленькое круглое отверстие. Качество высокое, изделие повторяет

1. В брошюре, посвященной раскопкам Пантикапея экспедицией ГМИИ им. Пушкина, приведено фото золотого венка македонского типа из Керчи, хранящегося в Государственном Античном собрании Мюнхена [Толстикова, 2015, с. 23, нижнее фото]. Однако на веб-странице этого музея упомянутый золотой веночек значится как найденный в Арменго, провинция Базиликата, Южная Италия: https://en.wikipedia.org/wiki/Staatliche-Antiken_Sammlungen.

малейшие анатомические детали прототипа. Сохранность хорошая, незначительные лакуны по боковым сторонам и напаянная сверху, в месте наибольшего повреждения, прямоугольная «латка». Исходя из контекста погребения с аттическим чернолаковым канфаром [Sparkes, Talcott, 1974, cat. N 701], датируется серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. Аналогии подвеске нам неизвестны.

Пара серег с витыми дужками и окончаниями в виде львиных головок (рис. 1, 34, 35) происходит из одного погребения. Несмотря на широкое распространение этого типа серег в Средиземноморье и в Причерноморье, количество которых постоянно увеличивается [Pfrommer, 1990, S. 146 ff.; с новыми находками: Трейстер, 2015, с. 108—111], в Ольвии они зафиксированы впервые за более чем сто лет после находок Б.В. Фармаковского и происходящих из собрания А. Фогеля. Морфология изделий позволяет отнести их к разным гарнитурам.

Первая серьга (рис. 1, 34) состоит из витой и сужающейся на конце дужки. Другой ее конец продет в высокую манжету, к которой с противоположной стороны припаяна полая головка льва. Дужка свободно витая, образована четырьмя свернутыми круглыми проволочками, расклепанными по центру дужки. Манжета широкая, имеет на стороне, обращенной к дужке, филигранное обрамление, перекрывающее ствол дужки, в виде ионийского киматия (фестоны: [Уильямс, Огден, 1995, кат. № 132]; подробное описание: [Трейстер, Тугушева, 2014, с. 393; Трейстер, 2015, с. 108]). Манжета обрамлена с двух сторон напаянными витыми проволоками: крупной в месте крепления головы, а со стороны дужки — сдвоенной разных диаметров. По манжете с двух сторон филигранный декор из симметрично расположенных горизонтальных S-видных волот, завернутых в два с четвертью оборота из такой же витой проволоки. Головки в таких серьгах были изготовлены в специальных матрицах [Сапрыкина, 2015, с. 217—221]. Львиная головка имеет близкую трактовку паре серег из херсонесского подстенного склепа № 1012 [Гриневич, 1926, рис. 10; Manzewisch, 1932, Taf. I, 2; Williams, Ogden, 1994, cat. N 132; Уильямс, Огден, 1995, кат. № 132: открытую часть, в которую завернут конец дужки и сквозное отверстие в правой глазице. Возможно, это подтверждает мысль о том, что глазицы изначально были инкрустированными [Трейстер, 2015, с. 108]. По крайней мере, пример инкрустации эмальями глазиц у таких серег и ожерелий с идентичными окончаниями известен [Williams, Ogden, 1994, cat. N 148, 149; Уильямс, Огден, 1995, кат. № 148, 149].

Вторая серьга (рис. 1, 35) подобна первой. Небольшие отличия имеются в чуть более крупных размерах и проработке отдельных деталей. Серьга состоит из витой дужки, вытянутой в граненую проволоку по центру и примерно на

треть всей длины к сужающемуся окончанию. Заостренный конец дужки продет в высокую манжету, к которой с противоположной стороны припаяна полая головка льва. Дужка свободно витая, образована четырьмя свернутыми круглыми проволочками так, что между ними на перегибе видны зазоры; не соприкасается с открытой частью. Декоративное решение манжеты с напаянными филигранными S-видными волютами, завернутыми в два оборота и обрамлением из витых проволок, идентичны первой серьге. Глазицы проработаны в виде круглых углублений, что еще более наводит на мысль об утраченных инкрустациях.

Сохранность хорошая. У первой слегка отпалась голова (виден зазор у манжеты), у второй — в нескольких местах имеются утраты металла по пластине манжеты и на голове льва. Для изделий характерно высокое качество проработки деталей, каждая из которых является хроноиндикатором. Ольвийские серьги содержат набор декоративных признаков и характеризуются технологическими приемами изготовления, характерными для раннего времени. Прежде всего, это технология изготовления — литье в формах [Сапрыкина, 2015, с. 217 сл.], вероятное наличие инкрустированных вставок в глаза, широкая манжета с декором из тонкой мелкоперевитой проволоки, фестонов, перекрывавших шов в месте стыка с дужкой, свободно перевитые круглые проволоки, образующие дужку.

В дискуссии о хронологии серег важным моментом является вопрос о времени их появления в Северном Причерноморье. Согласно М. Пфроммера, серьги с львиными головками из северопричерноморских памятников следует датировать «после-александровым» временем, точнее — после 300 г. до н. э. [Pfrommer, 1990, S. 144, 154]. Пара серег из херсонесского склепа № 1012, наиболее близких ольвийским, была отнесена к позднему типу с датой середины III в. до н. э. [Pfrommer, 1990, OR 239, S. 150; ср.: Williams, Ogden, 1994, cat. N 132; Уильямс, Огден, 1995, кат. № 132]. Между тем, анализ серег вместе с комплексом инвентаря из херсонесского склепа, позволил отнести его ко времени не позднее последней трети IV в. до н. э. [Рогов, 2002, с. 31, 32; Стоянов, 2004, с. 129]. Стилистический анализ серег указанного типа и их местных имитаций из Фанагории дал возможность выделить близкие изделия последней четверти IV в. до н. э. [Трейстер, 2015, с. 108—111]. Аналогичные серьги из Средиземноморья и ранее относили к IV в. до н. э., не позднее конца столетия [Greifenhagen, 1961, Kat. N 132, Abb. 72; Hoffmann, Davidson, 1966, cat. N 26]. Следует добавить, что к III в. до н. э. отнесена серьга с львиной головкой из некрополя Нимфея, не имевшая, в отличие от ольвийских и херсонесских, манжеты между головкой и дужкой [Силантьева 1959, с. 91, рис. 50, 2]. Погребальный инвентарь, обнаруженный вмес-

те с серьгами в ольвийском склепе № 3/2010, дополняет информацию о хронологии серег [Ивченко, 2010/65, табл. 87]. Датировка серег с львиными головками из этого склепа находится в пределах последней четверти IV в. до н. э., что соответствует массовому распространению этих серег в Средиземноморье.

Серьга из жилого квартала Нижнего города (рис. 1, 36) — витая, имеет округлую, слегка сплюснутую форму. Выполнена из трех рубчатых проволочек, концы которых соединены и вытянуты в тонкие округлые в сечении разомкнутые дужки, с мягко скругленными и не имеющими механических повреждений окончаниями. Одна дужка вдвое длиннее другой и слегка отогнута, за счет чего, вероятно, серьга и крепилась в ухе. В Ольвии известны две пары таких серег в собрании А. Фогеля [Boehlau, 1908, Kat. N 1212, 1213, Abb. 59, i, k]. Сохранность полная.

Отмечено, что разомкнутые серьги простых форм тяжело поддаются узкому датированию, поскольку характерны для широкого временного диапазона [Трейстер, 2015, с. 111]. В Средиземноморье известны подобные серьги из витых граненых проволочек с застежками, относимые к раннеимператорскому времени [Stefanelli, 1992, fig. 287]. Популярными были витые серьги с застежками (и с надетыми на дужки бусинами) в Северном Причерноморье, причем они известны в основном на Боспоре: в слое пожара в ранней цитадели на поселении Артезиан (Крымское Приазовье) с датой в пределах конца I в. до н. э. — 46/47 г. н. э. [Винокуров, 2015, с. 286, рис. 10, 1]; в некрополе Горгипсии (?), первой половины II в. н. э. [Журавлев, Трейстер, 2005, с. 186, 187, рис. 2, 2, 3; 4, 2, 3; Treister, Zhuravlev, 2006, p. 277 f., fig. 2, 2, 3; 4, 2, 3], в Фанагории с временными рамками I в. до н. э. — I—II вв. н. э. [см. подр. классификацию серег с исчерпывающей лит.: Трейстер, 2015, с. 111 сл., рис. 21, 10—15]. Помимо этого, витые серьги с застежками происходят и из Ольвии [Boehlau, 1908, Kat. N 1212, 1213, Abb. 59, a, b, d, e, l, n]. Витые серьги с застежками происходят также из позднескифского могильника Золотая Балка, с датой погребального комплекса I в. н. э. [Вязьмитина, 1972, с. 67, рис. 31, 9; 69, 10]; из некрополя Танаиса с той же датой [Шелов, 1961, с. 30, табл. 39, 1]. Поэтому, исходя из конструкции публикуемой ольвийской серьги, ее следует датировать раньше, в пределах эллинистического времени, чему соответствует и общий контекст находки [Лейпунская, Каряка, Диатроптов, 2008/199, табл. 15].

Серьга-подвеска с припаянным кольцом (рис. 1, 37) найдена в культурном слое некрополя. Кольцо образовано двумя рублеными, слегка скругленными проволоками разной длины, концы которых заходят один за другой, одной стороной они припаяны к верхней части подвески. Подвеска трехчленная: ее верхняя часть об-

разована конусовидной пластинкой вершиной вниз. Место крепления кольца прикрыто припаянной пластинкой полукруглой формы. Снизу к конусу крепится цилиндрическое горло, равное ему по высоте, образованное свернутой и спаянной пластиной. По горлу тонкой округлой проволокой нанесен филигранный спиральный орнамент, концы проволоки не соединены. Нижняя часть подвески образована двумя спаянными между собой конусами, имеет биконическую форму, украшена с двух сторон по линии шва восемью пирамидками из трех шариков зерни. Отверстие нижнего конуса снизу закрыто круглой пластинкой, на которую напаяна пирамидка из четырех шариков зерни. Имеет многочисленные механические повреждения: разомкнутое кольцо; отогнута полукруглая пластинка, прикрывавшая крепление кольца; вмятины по поверхности конусов, разрывы по шву.

Полная аналогия ольвийской серьге происходит из позднескифского некрополя около Золотой Балки на Нижнем Днепре. Комплекс погребения, в котором открыта пара таких серег, отнесен к I в. н. э. [Вязьмитина, 1972, с. 62, рис. 28, 7, 9; 69, 5, 6]. Вторая близкая по конструкции, хотя и не идентичная (вместо пластинчатого горла — обе части подвески соединены скрученной спиральными кольцами проволокой), пара серег также найдена в этом же некрополе [Вязьмитина, 1972, с. 49, рис. 21, 1; 69, 1, 8]. Еще две такие пары — с коротким пластинчатым горлом и с кольцами вместо горла — происходят из собрания С.Н. Платонова (НМИУ). Последние изделия были детально рассмотрены на фоне аналогий из варварских памятников, что позволило отнести их также к I в. н. э. [Пуклина, Трейстер, 2007, с. 74—76, кат. 8; о типе серег подр.: Мордвинцева, Трейстер, 2007, кат. № С/1.7.5, С/1.7.6]. Близкая, хотя и не идентичная, серьга найдена на Кубани с той же датой [Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2010, кат. № 97].

Ожерелья. Эта обширная категория украшений состояла из наборных изделий, типологически относимых к подвескам, пронизьям и бусинам.

Подвески. Четыре амфоровидные подвески или подвески в виде плодов (здесь и далее см. вклейку: рис. 2, 38—41) происходят из погребения, которое по комплексу находок датируется второй — третьей четвертью IV в. до н. э. [Папанова, 1993, с. 41, рис. 32, Б—Г, Е]. Две подвески (рис. 2, 38, 39) оттиснуты из двух половинок, имеют вытянутую веретенообразную форму. В верхней части покрыты двумя рядами мелких листочков с прожилками, в нижней — продольное рифление, в углублениях напаяны мелкие шарики зерни. В большинстве случаев они утрачены, сохранились небольшие углубления в местах крепления. Основание одной из подвесок утрачено. У другой в основании напаяно колечко из гладкой проволоки, к которому крепилась шестилепестковая розетка с лепест-

ками, контур которых образован такой же проволокой. С ожерельем подвески соединялись напаянными кольцами из проволоки, одного в виде полного кольца, второго — в виде разомкнутого. Кольца крепились на миниатюрных, вогнутых по центру, цилиндрах. Третья подвеска (рис. 2, 40) имеет продольное рифление по всей длине. В дорожках были напаяны шарики зерни, на что указывают сохранившиеся углубления. Основание подвески утрачено. В верхней части к подвеске припаян цилиндр, обрамленный в основании проволочным кольцом. К верху цилиндра крепится петелька, образованная двумя витыми проволоками. Четвертая подвеска миниатюрна (рис. 2, 41), без дополнительного декора по поверхности. В основании по окружности напаяна тонкая проволока, к ней крепится шарик. Крепление подвески решено аналогично — в виде вдавленного по центру цилиндра, к которому припаяно проволочное кольцо. Сохранность подвесок не очень хорошая. На всех имеются вмятины, есть утраты металла и напаянных деталей.

Стилистически близкие, как правило, имеющие незначительные отличия в оформлении декоративных элементов, амфоровидные подвески могли входить в состав как ожерелий, так и сложных подвесок, а также серег роскошного стиля. Такие украшения происходят преимущественно из курганов боспорской знати — Большая Близница, Куль-Оба, склеп Васюринской горы, Карагодеуахш, найдены они также и в некрополях античных центров — Пантикапее, Феодосии и в Херсонесе, в элитных погребениях Скифии, где использовались еще и в декоре головных уборов [Древности Босфора Киммерийского, 1854, табл. VI, 1—2; XII, 3, 4; XIX; Minns, 1971, p. 179, fig. 74; p. 216, fig. 119; Гриневич, 1926, рис. 16, 20—23; Прушевская, 1955, рис. 26, 40; Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 91, рис. 98, 3, 4; 15; с. 96, рис. 103; Pfrommer, 1990, S. 203, Taf. 27; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, кат. № 113; 122; 136; Williams, Ogden, 1994, cat. N 87—89; 94; Уильямс, Огден, 1995, кат. 87—89; 94; Saverkina, 2001, p. 1 ff., fig. 2, 4—6; Власова, 2010, рис. 45—48, 102; Журавлев, Новикова, Шемаханская, 2014, кат. № 46, 47, 76; Калашник, 2014, с. 78, 102, 103; 150, 151; 164—167, 186, 187, 196—199], а также в Македонии и Малой Азии [см. напр.: Musti et al., 1992, cat. 142; Williams, Ogden, 1994, cat. N 63, 64; 68, 70; Уильямс, Огден, 1995, кат. 63, 64; 68, 70; Themelis, Touratsoglou, 1997, p. 141, Z2; 143, Z8]. Соответственно наличию многочисленных аналогий, дата ольвийских подвесок не выходит за рамки середины — третьей четверти IV в. до н. э., что соответствует и комплексу остального инвентаря из погребения.

Еще одна подвеска (рис. 2, 42) спаяна из двух половинок гофрированного металла в виде каннелюр, оттиснутых в форме. На обе стороны подвески надеты кольца из напаянных шариков зерни — большего диаметра на верхнюю часть,

меньшего — на нижнюю. К ожерелью подвеска крепилась с помощью припаянной широкой гофрированной петли. Датировка таких подвесок вне контекста не проста, они известны для большого хронологического диапазона. Подвески с каннелюрами (названы «зерновидными») входят в состав ожерелья из некрополя Нимфея, датированного V в. до н. э. [Силантьева 1959, с. 74, рис. 38, 1; Калашник, 2014, с. 66]. Однако пропорционально они отличаются от ольвийской, имеют значительно более округлую форму. Скорее всего, ольвийская подвеска датируется позднеэллинистическим временем. Аналогичные подвески входят в состав ожерелья, найденного в Ольвии и хранящегося ныне в Grassimuseum (Лейпциг), отнесенного М.Ю. Трейстером к II в. до н. э. — I в. н. э. [Treister, 2004, App. 2.5; fig. 15]. Кроме того, подобные подвески происходят из погребений эллинистического времени (могильник Ленина 5) на Кубани [Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2010, кат № 252, 257]. Сохранность не очень хорошая. Распаялся вертикальный шов, частично отпаялось верхнее кольцо.

Дуговидная лунница (рис. 2, 43) из квадратного в сечении стержня со скругленными и разомкнутыми концами, которые завершены круглыми напаянными шариками. Наличие петли для подвешивания в виде припаянной с двух сторон тонкой полоски металла, указывает на ее использование в составе ожерелья. Подвески-лунницы близкой формы известны в составе ожерелий и серег еще от раннеэллинистического времени [Hoffman, Davidson, 1966, cat. N 33, 34], наиболее широкое распространение в составе ожерелий получают именно в первые века н. э. [о типе украшения: Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 94]. Более поздний вариант этого типа украшений можно видеть в подвеске из упомянутого слоя пожара 46/47 г. н. э. в ранней цитадели на поселении Артезиан — в этом случае дужки изделия сохраняют грани на всю длину, имеется также напаянный шарик у основания петли [Винокуров, 2015, с. 287, рис. 10, 9]. Такие же лунницы найдены в Херсонесе [Пятьшева, 1961, рис. 16]; Усть-Альминском могильнике с датой I в. н. э. [Пуздровский, 2007, рис. 126, 8, 10; см. также: Мордвинцева, Трейстер, 2007, кат. № C10.2]; погребении № 1 некрополя у с. Косика Астраханской обл., с датой первая половина I в. до н. э. [Мордвинцева, Трейстер, 2007, кат. № A114.7]. Из Ольвии (собрание П. Маврокордато, Британский музей) известны две лунницы с шариками зерни в основании петли, бусиной и подвеской со вставкой между концами, отнесенные к II—III вв. н. э. (Мордвинцева, Трейстер, 2007, кат. № C/1.10.1.5, 1.10.1.6). Близкая лунница обнаружена и в Марицинском некрополе — в этом случае в основании петли помещена шестилепестковая розетка [Ebert, 1913, S. 74, Abb. 83, n]. Идентичная нашей лунница происходит из разрушенного кургана близ х. Элитный на Кубани с датой II в. до н. э. [Мордвинцева, Хачатуро-

ва, Юрченко, 2010, кат. № 603]. По условиям находки ольвийской лунницы в Нижнем городе и кубанской аналогии, наиболее вероятной датой ее изготовления представляется позднеэллинистическое время. Сохранность полная.

К категории подвесок, составлявших ожерелье, относится листок лавра (?) из фольги с тисненными центральной и поперечными прожилками. Пластина петли вырезана вместе с листком и загнута вперед в виде кольца (рис. 2, 44). По контексту находок на городище его следует датировать первыми веками н. э. Сохранность полная.

К этой категории украшений относится также подвеска в виде каплевидного пластинчатого каста со вставкой выпуклого граната (альмандин) (рис. 2, 45). Размер каста в нижней части несколько превышает размеры камня. Петля образована тонкой полоской металла, вогнутой к центру, одним концом припаяна сверху, второй расклепан и припаян к спинке на половину ее высоты. По окружности край каста обрамлен припаянной тонкой рубчатой проволокой. Снизу крепился какой-то небольшой декоративный элемент или еще одна петелька, он обломан. Каплевидные гранатовые или сердоликовые вставки в оправе были весьма распространены в качестве отдельных украшений или в составе более сложных ювелирных композиций именно в I—II вв. н. э. [о типе ожерелий со вставками: Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 82, 83, кат. № А28.1; А 221.1; С/1.2.3.4; см. также: Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2010, кат. № 587; Трейстер, 2015, рис. 42, 2, кат. № 147, 191]. Исходя из близких аналогий, ольвийская подвеска может датироваться I—II вв. н. э. Сохранность почти полная.

Пронизи, бусины. Все они входили в состав ожерелий. Наиболее ранней является круглая, слегка сплюснутая пронизь, оттиснутая из двух половинок (рис. 2, 46). Шов от пайки по окружности обработан напаянной рубчатой проволокой, а сквозное отверстие с обеих сторон — ободками из тонкой витой проволоки. На обе стороны симметрично в технике скани напаяны четыре пары двойных спиралей, завернутых в несколько оборотов, с шариками зерни в центрах. Спирали соединены вытянутой U-образной петлей, обращенной к центру. Идентичные пронизи известны в погребениях IV в. до н. э. местной знати в некрополе Пантикапея [Древности Босфора Киммерийского, 1854, табл. XII, 4; XIIIа, 4; Дюбрюкс, 2010, рис. 695; Williams, Ogden, 1994, cat. N 102; Уильямс, Огден, 1995, кат. № 102; Калашник, 2014, с. 96, 97] и Нимфея [Силантьева 1959, рис. 2, 3]. Близкие по форме и оформлению керамические имитации найдены в составе ожерелья из некрополя Таранто с датой вторая половина IV в. до н. э. [Juliis (et.), 1984, cat. 140]. Близкая по форме пронизь из Сицилии датируется III в. до н. э. [Hoffmann, Davidson, 1966, cat. N 52]. Ольвийская же пронизь, исходя из боспорских аналогий, может быть отнесена к се-

редине — второй половине IV в. до н. э. Сохранность полная.

Биконические бусы, спаянные из двух половинок (шов приходится по линии наибольшего диаметра), найдены в разных наборах, в погребениях некрополя и на территории городища. Низка бус из погребения, в котором были обнаружены рассмотренные выше серьги с львиными головками, сочетали мелкие цилиндрические пронизи в виде трубочек из фольги (рис. 1, 47). Одна крупная биконическая бусина с напаянными ободками вокруг отверстий (рис. 1, 48) и несколько мелких распаявшихся по шву бусин (рис. 2, 54, 55, 57) также происходят из некрополя (совместная находка с упоминавшимися амфоровидными подвесками), а другая, из полусферических половинок и без дополнительных колечек у отверстия (рис. 1, 49), — из Западного теменоса, еще одна в виде согнутой половинки (рис. 2, 55) — из жилого квартала. Кроме них, из затопленной части Ольвии происходит мелкая полая золотая бусинка с едва заметным продольным швом пайки (рис. 2, 50).

Популярность биконических бусин разных размеров, использовавшихся в ожерельях, была высокой, начиная от позднеклассического времени и в течение практически всего эллинистического. Такие бусины (отдельно и в составе пронизей, с ободками вокруг отверстий или без них) в массовом количестве найдены в некрополях Боспора и Херсонеса [см. с лит.: Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2010, кат. № 65, 234, 246, 357, 498; Бутягин, Виноградов, 2014, кат. 26; Трейстер 2015, с. 119 сл., кат. № 35, 39, 46, 139; Пятыева, 1961, табл. XII, 1]. Характерны они и для набора украшений в некрополях Средиземноморья, а также Македонии [см. напр.: Musti et al., 1992, cat. 124.3; 144; Williams, Ogden, 1994, cat. N 102; Уильямс, Огден, 1995, кат. 102; Themelis, Touratsoglou, 1997, p. 130, E28, γ].

Пронизь в виде стилизованного «гераклова узла» (рис. 2, 51) выполнена из двух спаянных штампованных пластинок, обрамленных сверху и снизу напаянной рубчатой проволокой, имитирующей зернь. По боковым швам видны разрывы. Аналогичные пронизи происходят из комплекса погребения в некрополе Танаиса, отнесенного ко второй половине III в. до н. э. [Шелов, 1961, с. 12, табл. XXXIV, 4]. В некрополе Фанагории такая пронизь входит в состав ожерелья, дата которого, по набору других составляющих, ближе к первым векам н. э. [Трейстер, 2015, с. 122—124, кат. № 65]. В некрополе Таранто аналогичные пронизи происходят из погребения первой половины II в. до н. э. [Juliis (et.), 1984, cat. 147]. Ольвийская пронизь стилистически ближе изделиям доримского времени.

Рубчатые пронизи (с поперечным рифлением) однотипны, одинарные, незначительно отличаются по своей длине, выполнены из скрученных тисненых пластин. Все они происходят из погребений некрополя первых веков н. э. Тринадцать

пронизей (рис. 2, 52) найдены в склепе рубежа I—II — первой половины II в. н. э. [Козуб, Хомчик, Тупчиенко, Ланг, 2002/142, с. 12, табл. 16], одна (рис. 2, 53) — из ограбленного склепа конца I — начала II в. н. э. [Ивченко, 2015, с. 13, табл. 38]. Такие пронизы найдены в массовом количестве в северопричерноморских некрополях и варварских погребениях того же времени [Мордвинцева, Хабарова, 2006, кат. № 37, 87, 102, 107, 111; Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2010, кат. № 144, 186, 322, 388, 393, 451, 456, 503, 507, 508, 555, 566, 583; Трейстер, 2015, с. 126 сл.; Храпунов, 2015, с. 229, рис. 7, 1—28].

Пронизы-трубочки также входят в набор нашивных украшений, популярных в эллинистическое время и в первые века н. э. Пронизь из свернутой пластинки имеет вытянутую усеченно-цилиндрическую форму, с поперечными тиснеными полосами сверху и снизу и хаотичными выпуклостями от ударов острым предметом по всей длине, скорее всего, изображает «палицу Геракла» (рис. 2, 56). Пробитое с одной из сторон отверстие свидетельствует о том, что пронизь могла быть составной частью ожерелья в вертикальном положении. Контекст находки в погребении с материалами I в. н. э. (Козуб, 1973/13в, с. 28, 29) позволяет датировать и пронизь. Вторая пронизь состоит из двух спаянных идентичных трубочек, каждая из которых вырезана из гофрированных полосок фольги, и обрамлена с обеих сторон припаянными такими же гофрированными манжетами (рис. 2, 58) [Козуб, 1999/1в, табл. 30, 31]. Их совместная находка в склепе с золотым листком и пластинами от венка (рис. 1, 12, 28—30) свидетельствует в пользу датировки в пределах I—II вв. н. э.

Полюе трубочки, одинарные или сдвоенные, также входят в набор украшений длительно периода — от эллинистического времени до первых вв. н. э. Близкие пронизы из некрополей на Кубани (с гладкой поверхностью) датируются III в. до н. э. [Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2010, кат. № 58; 70]. Пронизы II в. до н. э., декорированные напаянной зернью и филигранью, среди которых серьга с подвеской-пронизью в виде «палицы Геракла» происходят из дореволуционных хищнических раскопок в Ольвии [см. со ссылкой на каталоги: Мордвинцева, Трейстер, 2007, кат. № С/1.10.1.1; 1.10.1.3; 1.10.1.8]. В ожерельях I—II вв. н. э. пронизы-трубочки, гладкие или дополнительно украшенные кастами, как правило, выполняют функцию разделителей — одинарная пронизь с напаянным проволочным кольцом [Мордвинцева, Хабарова, 2006, с. 17, кат. № 57; 151]; одинарные гладкие трубочки из Херсонеса [Пятышева, 1961, табл. IV, 5, 6]; двойная пронизь со вставками из Пантикалея [Мордвинцева, Трейстер, 2007, кат. № В36.3]; двойная пронизь из завернутой с двух сторон фольги и одинарные пронизы с напаянным декором из Фанагории [Трейстер, 2015, с. 134, 135, кат. № 136; 148].

Перстни, кольца. Перстень с узкой пластинчатой шинкой, расширяющейся при переходе к выпуклому овальной формы щитку с разрушенной пастовой (?) вставкой голубого цвета (рис. 2, 59). Углубление для вставки имеет ромбовидную форму. Вставка повреждена, шинка измята. Обнаружено в комплексе погребения с рассмотренными выше серьгами с львиными головами (рис. 1, 34, 35) и биконическими бусами (рис. 2, 47). Дата определяется комплексом погребения в пределах последней четверти IV в. до н. э.

Три идентичных кольца из свернутых круглых проволок происходят с городища. У двух (рис. 2, 60, 61) шов пайки практически не виден, у третьего (рис. 2, 62) концы проволоки разомкнуты. Судя по находке последнего в яме с материалами II в. н. э., их следует датировать не ранее этого времени. Идеально круглая форма позволяет видеть в них не височные кольца [см. напр. близкие по размеру: Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2010, кат. № 462], а кольца, надевавшиеся на пальцы. Сохранность полная.

Бляшки нашивные, представляют декор одежды. На территории городища найдена прямоугольная бляшка с изображением полуприсевшего на задние лапы орлиноголового грифона влево (рис. 2, 63). Грифон ушастый, над головой хорошо проработана лука в виде «кнопки», в широко раскрытом клюве виден язык, глаз круглый в фас. Грифон изображен с развернутым крылом с двухрядным оперением, с поднятой правой передней лапой и завернутым хвостом. Проработан схематично и не везде анатомически грамотно — несоразмерна его поднятая передняя лапа, увеличен глаз, необычно передана поза задних лап. Особенности иконографии изображения дают возможность определить время изготовления бляшки.

Изображения грифона на известных находках из Северного Причерноморья иконографически связаны с переднеазиатским декоративно-прикладным искусством архаического времени, а также художественными изделиями, попавшими сюда в процессе греческой колонизации [Канторович, 2010]. Однако изображения грифонов собственно на нашивных прямоугольных бляшках широкого распространения не получили. Поэтому ольвийская находка заставляет еще раз обратиться к ним подробнее.

Среди бляшек с изображением грифона наиболее ранними являются ажурные бляшки из кургана Перепятиха рубежа VII—VI вв. до н. э. На них грифон ушастый, с крупной лукой над головой, круглым глазом в фас, с вертикально завернутым крылом, сидит на задних лапах [Скорий, 1990, фото 7, 1—5]. Он отражает именно те иконографические детали изображения, которые имеют ионийское происхождение и характерны для архаического времени, например, в вазописи [Kardara, 1963, fig. 122—125] и в торевтике — литые протомы грифонов, украшавшие бронзовые котлы [Jantzen, 1955;

Jantzen, 1958, S. 26 ff.; Isler, 1978, Taf. 38, 17, 18]. Изображения грифона, перешедшие из перднеазиатского и греко-ионийского искусства, явились, по мнению А.Р. Канторовича, основой для широкого использования этого образа в скифском искусстве раннего времени [Канторович, 2010, с. 189 сл.].

Стилистические особенности, характерные для архаического времени, сохраняются в торежке достаточно долго. На прямоугольной бляшке из Братолобовского кургана первой половины IV в. до н. э. грифон изображен стоящим вправо, с крупным круглым глазом в фас, очень стилизованной лукой над головой, имеет схематично проработанное, завернутое вверх крыло и поднятый хвост [Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, рис. 16, 1, фото 27]. Подобным образом изображены грифоны с львиной и женской головами и на бляшках из собрания П. Сабатье — с поднятой передней лапой и с завернутым вверх крылом [Журавлев, Новикова, Шемаханская, 2014, с. 20 — ссылка на табл. V, 5, 7]. В бляшках из Куль-Обы и/или соотносимых с этим памятником — он также ушастый, крыло завернуто и поднято, однако лука над головой уже отсутствует, клюв закрыт, а глаз имеет миндалевидную форму [Журавлев, Новикова, Шемаханская, 2014, кат. № 33, 34, 56, 69, табл. 11; 21].

После середины IV в. до н. э. изображения грифонов на бляшках меняются, становятся однотипными, хотя и не без архаических реминисценций. Грифон на прямоугольных бляшках из кургана у Дарьевки обладает высоким гребнем, спускающимся с головы на шею, голова повернута назад, крыло поднято вверх и завернуто [Minns, 1971, p. 177, 178, fig. 73]. На бляшках из Чертомлыка изображение грифона близко дарьевским, с той разницей, что у грифона два поднятых крыла [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, кат. № 76]. По периметру такие бляшки декорированы рубчиком или псевдозернью, имеют по углам пробитые отверстия для пришивания. Грифоны, изображенные на горитах из Чертомлыка и Мелитопольского кургана, обкладке ножен меча и бляшках из Толстой Могилы, имеют большие расправленные крылья с двухрядным оперением, гребни на головах и длинных шеях [Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 140, 142; Мозолевский, 1979, рис. 52—55; 113, 11; 114; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, кат. № 189], как в дарьевских и чертомлыцких бляшках. Помимо торежки, в эпоху классики образ грифона в Северном Причерноморье получил чрезвычайное распространение и в глиптике [с лит. подр.: Трейстер, 2014, с. 196 сл.], а также в монументальной каменной пластике и в монетной символике Боспора [Античная скульптура, 2004, кат. № 78; Тункина, 2011, с. 108, рис. 135—138; подр. с лит.: Федосеев, 2015, с. 377 сл.].

Очевидно, что грифон на ольвийской бляшке отличается деталями, не характерными для

иконографии второй половины IV в. до н. э. Их проработка свидетельствует в пользу раннего времени. Однако одним из главных отличий от изображений ионийского стиля архаического времени является расправленное крыло с двойным оперением. Это значит, грифон на ольвийской бляшке сочетает стилистические характеристики архаической и классической эпох. Это обстоятельство и позволяет датировать бляшку рубежом поздней архаики — ранней классики, т.е. в пределах первой половины V в. до н. э. В настоящее время ольвийская бляшка является самой ранней среди золотых бляшек прямоугольной формы с изображением грифона из Северного Причерноморья.

Бляшка с грифоном из Ольвии выполнена в технике штамповки, края по периметру изделия загнуты. На оборотной стороне по диагонали напаяны разнонаправленные петли для нашивки, образованные свернутыми тонкими проволоками. Такой способ крепления отличается от известного для IV в. до н. э., при котором бляшка крепилась к основе при помощи сквозных отверстий по периметру. Сохранность полная.

Две бляшки с изображением сирен в фас с расправленными и прижатыми к туловищу крыльями и опущенными хвостами (рис. 2, 64-65). Форма — подпрямоугольная, с проработанным в рельефе сегментом окружности головы. Оперение туловища имеет суммарную проработку в виде сетки, на крыльях читается по два ряда перьев. Бляшки выполнены одним штампом, но детали прорисовки черт лица, прежде всего, носа и глаз, позволяют заключить, что они были доработаны индивидуально. Как и предыдущая, бляшки изготовлены в технике штамповки с загнутыми по периметру краями. На оборотной стороне противоположно одна от другой напаяны разнонаправленные петли для нашивки. Сохранность полная. Одна бляшка обгорела, утрачены нашивные петли. Бляшки обнаружены в разрушенном погребении с перемешанными и невыразительными материалами [Козуб, 1970/166, с. 33, 36, 37 сл.]. Единственную аналогию им можно видеть в бляшке той же формы из кургана у станицы Елизаветовской на Нижнем Дону, хранящейся в Эрмитаже [Калашник, 2014, с. 201]. Однако елизаветовская бляшка изготовлена другим штампом, имеет более примитивную трактовку деталей и декоративные розетки вместо перьев на тулове и в верхней части крыльев.

Иконография сирен также подвергалась изменениям с течением времени. В вазописии архаического времени сирены изображались в профиль в виде птиц с женскими головами [Kardara, 1963, fig. 126, 127]. В надгробиях эпохи классики, найденных на афинском Керамике, сирена имела вид птицы с женским торсом, руками и расправленными крыльями в фас, одной рукой она придерживала грудь [Woysch-Méautis, 1982, cat. N 370—374, 376,

393—397]. Изображение сирен на ольвийских бляшках не имеет ничего общего ни с первыми, ни со вторыми. Иконографически они ближе фронтальному изображению сов на ранних (первой четверти V в. до н. э.) краснофигурных скифосах, типа найденного в Ольвии на Южном теменосе [Буйских, 2015, рис. 2, 7]. Это значит, что бляшки с изображением сирен можно предположительно продатировать, как и бляшку с грифоном, рубежом позднеархаического — раннеклассического времени.

Вопрос о месте изготовления трех ольвийских бляшек остается пока открытым. Следует обратить внимание на мнение М.Ю. Трейстера о возможности изготовления мелких произведений глиптики с изображением орлиноголовых грифонов не только в Средиземноморье, но и в контактных зонах греческой и варварской культур, в том числе, и на Боспоре [Трейстер, 2014, с. 207]. В нашем случае, отсутствие точных аналогий ольвийским бляшкам не только среди материалов Северного Причерноморья, но и Средиземноморья, позволяет ставить вопрос об их изготовлении в Ольвии. Елизаветовская бляшка пока не позволяет такое предположение аргументированно отвергнуть. Кроме того, если оно окажется верным, тем самым подтвердит неоднократно высказывавшуюся точку зрения, что синтез двух разных стилистических влияний, ионийского и аттического, характерен для культурной традиции Ольвийского полиса в первой половине V в. до н. э.

Остальной массив бляшек представлен мелкими изделиями. Это, прежде всего, 29 мелких круглых бляшек (рис. 2, 66), обнаруженных в одном погребении с пронизью в виде «палицы Геракла» (рис. 2, 56). Они однотипны, выполнены в технике штамповки, имеют выпуклую центральную часть, по окружности обрамлены тонким валиком, по которому нанесены поперечные насечки. Таким образом, бляшка напоминает миниатюрную розетку. На каждой бляшке пробито по два отверстия для нашивки с противоположных сторон, причем не всегда по центру. В некоторых случаях имеются три отверстия, там, где удар пришелся на край. Аналогичные бляшки в качестве декора одежды получили широкое распространение практически во всем регионе Северного Причерноморья и характерны, в основном, для I в. н. э. [Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2015, кат. № 316; 360; 439; 466; 474—476; 516; Трейстер, 2015, с. 159, кат. № 190, рис. 38, 2]. Сохранность хорошая, при отдельных поврежденных по краям и смятых центрах. Кроме того, известны две еще более мелкие круглые плоско-выпуклые бляшки, выполненные в той же технике (рис. 2, 67). По краям с противоположных сторон пробиты два отверстия. На одной из бляшек имеется несколько поперечных рисок, которые могут оказаться и случайными. Аналогичные бляшки также известны для I в. н. э. [Пятышева, 1961, табл. I,

2—30; 32, 33; Мордвинцева, Хабарова, 2006, кат. № 148; 162; Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2015, кат. № 96]. Сохранность хорошая.

Найдена одна бляшка каплевидной формы (рис. 2, 68), по технике выполнения и оформлению аналогичная круглым бляшкам. Она имеет выпуклый центр, с тонким валиком по краю, с поперечными насечками и тремя пробитыми отверстиями. Имеется еще одно маленькое отверстие по центру сверху, скорее всего, из-за того, что оно не было пробито полностью, пришлось сделать рядом еще одно. Такие бляшки, как и круглые, получили широкое распространение в регионе и датируются I в. н. э. [Пятышева, 1961, табл. III, 16—18; Прушевская, 1955, рис. 37; Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2015, кат. № 176, 581; Трейстер, 2015, с. 161, кат. № 71; 172; 242; рис. 37, 4—6]. Сохранность хорошая. Имеется также штампованная бляшка в форме треугольника с четырьмя рядами поперечного рифления (рис. 2, 69). По углам пробиты отверстия. Такие бляшки, наряду с круглыми и каплевидными, хорошо известны в северопричерноморских некрополях и преимущественно в I в. н. э. [Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2015, кат. № 317; Трейстер, 2015, с. 161, 163, кат. № 146; рис. 38, 4]. Сохранность хорошая.

Пять нашивных бляшек в форме шестилепестковых розеток (рис. 2, 70) найдены в одном погребении вместе с рубчатыми пронизьями (рис. 2, 52). Бляшки выполнены штамповкой, вогнутой центр и лепестки обрамлены шнуром псевдозерни. По центру каждого лепестка пробито отверстие для пришивания. Еще одна розетка, отличающаяся выпуклым центром и двумя непробитыми лепестками, обнаружена вместе с рубчатой пронизью (рис. 2, 53) и бляшкой в форме треугольника (рис. 2, 69). Их датировка I в. н. э. подтверждена как комплексами совместных находок, так и многочисленными аналогиями. Идентичные или близкие по выполнению бляшки с семилепестковыми розетками и выпуклыми центрами найдены в некрополе Херсонеса [Пятышева, 1961, табл. I, 9], с шестилепестковыми — известны в варварских погребениях обширной территории Юго-Восточной Европы [см. напр.: Мордвинцева, Хабарова, 2006, кат. № 157]. Сохранность разная — от полной до утраченной наполовину.

С территории городища происходят фрагменты облицовки различных изделий. Как правило, они повреждены и имеют небольшие размеры, из-за чего нельзя делать выводы об изделиях, на которые они крепились. Наиболее ранним является фрагмент фольги с тисненым рельефным штампом, сюжет которого неясен (рис. 2, 72). Он найден в засыпи заглубленного в культурный слой фундамента храма Афродиты на Южном теменосе и датируется первой половиной IV в. до н. э. Второй фрагмент фигурно вырезан из фольги, имеет обломанные края и загнутую вперед петлю (рис. 2, 73). Еще один небольшой фраг-

мент штампованного изделия, происходящий с территории городища, украшенный хаотично расположенными выпуклостями в виде точек (рис. 2, 74), также можно отнести к облицовке, например, деревянного изделия. Форма неизвестна. С территории городища происходят и заготовки — округлой формы (рис. 2, 75) и квадратный в сечении рубленый брусок (рис. 2, 76). Именно они и свидетельствуют о наличии местного ювелирного ремесла в Ольвии, связанного с изготовлением мелких изделий из золота.

Рассмотренные золотые изделия, найденные почти за полвека исследований Ольвии, несмотря на их небольшое количество, позволяют сделать некоторые выводы. Прежде всего, представляется, что можно говорить о наличии местного ювелирного ремесла уже на рубеже эпохи поздней архаики — ранней классики. Изделия, отнесенные к этому времени, сочетают разные стили, что, как уже известно, определяет своеобразие художественного ремесла ионийских колоний Северо-Западного Понта в первой половине V в. до н. э. Украшения IV в. до н. э., найденные в значительно большем количестве, являются уже частью общего «койнэ» эпохи поздней классики — раннего эллинизма, характеризующего ювелирное дело в Средиземноморском и Понтийском регионах. Изделия этого времени находят аналогии преимущественно среди тех, что происходят из некрополей античных городов Северного Причерноморья, в меньшей степени — из варварской среды. При этом нельзя отрицать их производство и в Ольвии, в пользу чего свидетельствует не имеющая аналогов серьга с подвеской в виде астрагала.

И, наконец, ювелирные изделия, относящиеся к первым векам н. э., представляют собой набор типичных украшений, найденных повсеместно как в городских некрополях Северопрichernоморского региона, так и на прилегающих варварских территориях. Интересно, что Ольвия не выделяется среди остальных северопрichernоморских памятников и в плане функциональной интерпретации золотых изделий (см. подр.: [Трейстер, 2015а, с. 326, 327]) — большая часть изделий доримского времени могла относиться как к личным украшениям, которые носили при жизни, так и к украшениям, которые клались в могилы, тогда как украшения первых веков н. э. представляют преимущественно вещи из погребального набора. Сравнение ограниченного в количественном и качественном отношении ассортимента ольвийских изделий с аналогичным массивом украшений, найденных в Херсонесе, указывает на их близость. Это обстоятельство продиктовано, не исключено, сходством политического устройства Ольвии и Херсонеса, характером их взаимоотношений со средиземноморскими полисами, что не могло не сказаться на общем, сравнительно скромном уровне зажиточности гражданского населения, в отличие от Боспора.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV века до н. э. — К., 1991. — 416 с.

Античная скульптура. Из собрания Керченского Государственного историко-культурного заповедника. — К., 2004. — 255 с.

Буйских А.В. Южный теменос Ольвии Понтийской (предварительные итоги исследования) // ВДИ. — 2015. — № 2. — С. 6—21.

Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. Курганы на мысе Ак-Бурун. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. — Симферополь; Керчь, 2014. — Т. II. — 184 с. (БИ. — Suppl. 13).

Винокуров Н.И. Центральное помещение 4 ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье // Olbio: In memoriam V.V. Krapivina. — К., 2015. — С. 271—294 (АДИУ. — Вып. 1 (14)).

Власова Е.В. Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани. — М., 2010. — Т. III. — С. 198—262.

Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник. — К., 1972. — 190 с.

Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического. — Вып. I: Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса. — Севастополь. 1926. — 73 с.

Древности Босфора Киммерийского. Атлас. — СПб., 1854. — LXXXVI. — 6 табл., черт.

Дюбрьюкс П. Собрание сочинений. — СПб., 2010. — Т. 1 — 728 с.; Т. 2 — 312 с.

Журавлев Д.В., Трейстер М.Ю. Инвентарь богатого Горгиппийского (?) склепа II в. н. э. в собрании Государственного Исторического музея // ДБ. — 2005. — Т. 8. — С. 184—196.

Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю., Шемаханская М.С. Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. — М., 2014. — 352 с.

Ивченко А.В. Отчет о раскопках и разведках на территории предместья и некрополя Ольвии в 2010 г. / НА ИА НАН України. — 2010/65.

Ивченко А.В. Отчет о раскопках на территории некрополя Ольвии в 2014 г. / НА ИА НАН України. — 2014/[б. н.].

Калашиник Ю.П. Греческое золото в собрании Эрмитажа. — СПб., 2014. — 289 с.

Канторович А.Р. Истоки и вариации образов грифонов и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII—VI вв. до н. э. // Археологический альманах. — 2010. — № 21. — С. 189—224.

Капошина С.И. О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. — № 50. — 1956. — С. 155—189.

Каряка О.В. До історії організації робіт Ольвійської археологічної експедиції у 1930 р. // Olbio: In memoriam V.V. Krapivina. — К., 2015. — С. 190—204 (АДИУ. — Вып. 1 (14)).

Козуб Ю.И. Дневник № 2 полевых работ в Ольвии в 1970 г. Охранные работы на территории некрополя / НА ИА НАН України. — 1970/166.

Козуб Ю.И. Отчет о работе загородного отряда Ольвийской экспедиции по изучению некрополя в 1973 г. / НА ИА НАН України. — 1973/13в.

Козуб Ю.И. Некрополь Ольвии V—IV ст. до н. э. — К., 1974. — 183 с.

Козуб Ю.И., Папанова В.А. Отчет о раскопках предградья и некрополя Ольвии в 1983 году / НА ИА НАН України. — 1983/316.

Козуб Ю.И., Хомчик М.А., Тупчиенко М.П., Ланг С.О. Звіт про розкопки передмістя, святилища та некрополя Ольвії на західній околиці в 2002 р. / НА ИА НАН України. — 2002/142.

- Крапивина В.В., Івченко А.В., Диденко С.В., Ланг Е.А.* Отчет о раскопках некрополя и предместья Ольвии в 2007 г. / НА ІА НАН України. — 2007/71.
- Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалев Н.В.* Братолюбовский курган. — К., 2009. — 192 с.
- Лейпунская Н.А., Каряка А.В., Диатроптов П.Д.* Отчет о работах Ольвийской экспедиции на участке НГС в 2008 г. / НА ІА НАН України. — 2008/199.
- Мозолевський Б.М.* Товста Могила. — К., 1979. — 250 с.
- Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю.* Произведения ювелирного искусства в Северном Причерноморье 2 в. до н. э. — 2 в. н. э. — Симферополь; Бонн, 2007. — Т. 1 — 308 с.; Т. 2 — 256 с.; Т. 3 — 206 с.
- Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В.* Древнее золото Поволжья. — Симферополь, 2006. — 139 с.
- Мордвинцева В.И., Хачатурова Е.А., Юрченко Т.В.* Сокровища древней Кубани. — Симферополь; Краснодар, 2010. — 448 с.
- Новичихин А., Галут О.* Золото Горгиппии. — Анапа; Краснодар, 2013. — 96 с.
- ОАК за 1882—1888 годы.* — СПб., 1891. — 133 с.
- ОАК 1894 г. Приложение IV.* Отчет о раскопках, произведенных В.Н. Ястребовым в с. Парутине. — СПб., 1896. — С. 98—103.
- ОАК за 1896 год. Приложение V.* Отчет о раскопках, произведенных в некрополе древней Ольвии и на острове Березани в 1896 году. — СПб., 1898. — С. 200—212.
- Папанова В.А.* Некрополь Ольвии (история исследования, итоги раскопок). — Бердянск, 1993. — 94 с.
- Папанова В.А.* Урочище Сто могил (некрополь Ольвии Понтийской). — К., 2006. — 278 с.
- Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. — К., 1974. — 218 с.
- Прушевская Е.О.* Художественная обработка металла // АГСП. — М., 1955. — С. 325—355.
- Пуэдровский А.Е.* Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. — Симферополь, 2007. — 480 с.
- Пукліна О.О., Трейстер М.Ю.* Сережки перших століть нової ери з колекції С.М. Платонова у збірці Національного музею історії України // Археологія. — № 3. — 2007. — С. 73—107.
- Пятышева Н.В.* Ювелирные изделия Херсонеса. — М., 1956. — 84 с.
- Рогов Е.Я.* Подстенный склеп 1012 в Херсонесе Таврическом // Погребальные памятники и святилища. — СПб., 2002. — С. 26—42 (БФ. — Ч. 1).
- Русяева А.С.* Громадсько-політичні функції елліністичного храму Аполлона в Ольвії // Археологія. — 1989. — № 4. — С. 26—35.
- Сапрыкина И.А.* Техника изготовления золотых изделий из Фанагории // Золото Фанагории. — М., 2015. — С. 208—265 (Фанагория. Результаты археологических исследований. — Т. 2).
- Скорий С.А.* Курган Перег'ятиха. — К., 1990. — 123 с.
- Скржинская М.В.* Украшения и предметы туалета // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. — К., 1987. — С. 175—183.
- Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. — № 69. — 1959. — С. 5—107.
- Стоянов Р.В.* Хронология подстенного склепа 1012 // Проблемы хронологии и датировки памятников. — СПб., 2004. — С. 122—130 (БФ. — Ч. 1).
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н.* Мелитопольский курган. — К., 1988. — 264 с.
- Толстиков В.П.* Пантикапей. К археологическому портрету столицы Боспора Киммерийского. — Симферополь, 2015. — 64 с.
- Трейстер М.Ю.* Еще раз об ожерельях I в. н. э. с подвесками в форме бабочек из Северного Причерноморья // ПАВ. — 1993. — Вып. 4. — С. 87—95.
- Трейстер М.Ю.* Так называемые греко-персидские скарабеиды с изображением орлиноголового грифона V—IV вв. до н. э. (иконография, хронология, распространение) // Археологические и лингвистические исследования: Материалы Гумбольдт-конференции (Симферополь; Ялта, 20—23 сентября 2012 г.). — К., 2014. — С. 196—214.
- Трейстер М.Ю.* (ред.). Золото Фанагории. — М., 2015. — 604 с. (Фанагория. Результаты археологических исследований. — Т. 2).
- Трейстер М.Ю.* Типологический, стилистический и хронологический анализ // Золото Фанагории. — М., 2015. — С. 77—181 (Фанагория. Результаты археологических исследований. — Т. 2).
- Трейстер М.Ю.* Заключение // Золото Фанагории. — М., 2015а. — С. 326—338 (Фанагория. Результаты археологических исследований. — Т. 2).
- Трейстер М.Ю., Тугушева О.В.* О хронологии ранних групп серег с витыми дужками и окончаниями в форме львиных головок эллинистического времени в Северном Причерноморье // БЧ. — Вып. XV. — Керчь, 2014. — С. 393—405.
- Тункина И.В.* Открытие Феодосии. — К., 2011. — 240 с.
- Уильямс Д., Огден Дж.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V—IV века до н. э. — СПб., 1995. — 272 с.
- Фармаковский Б.В.* Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии // ИАК. — Вып. 3. — СПб., 1902. — С. 1—20.
- Фармаковский Б.В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году // ИАК. — Вып. 8. — СПб., 1903. — С. 1—70.
- Фармаковский Б.В.* Раскопки в Ольвии // ОАК за 1901 год. — СПб., 1903а. — С. 2—22.
- Фармаковский Б.В.* Раскопки в Ольвии // ОАК за 1902 год. — СПб., 1904. — С. 2—27.
- Фармаковский Б.В.* Раскопки в Ольвии в 1902—1903 годах // ИАК. — СПб., 1906. — Вып. 13. — 306 с.
- Фармаковский Б.В.* Раскопки в Ольвии // ОАК за 1903 год. — СПб., 1906а. — С. 2—20.
- Фармаковский Б.В.* Раскопки в Ольвии // ОАК за 1907 год. — СПб., 1910. — С. 1—75.
- Фармаковский Б.В.* Архаический период в России // МАР. — 1913. — № 34. — С. 15—78.
- Фармаковский Б.В.* Раскопки в Ольвии // ОАК за 1912 год. — Петроград, 1916. — С. 1—35.
- Фармаковский Б.В.* Раскопки в Ольвии // ОАК за 1913—1915 годы. — Петроград, 1918. — С. 1—51.
- Фармаковский Б.В.* Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 году // ИГАИМК. — 1924—1925. — Вып. 1. — С. 143—163.
- Федосеев Н.Ф.* Боспорский грифон // ДБ. — 2015. — Вып. 19. — С. 377—385.
- Храпунов И.Н.* Погребения II в. н. э. из могильника Нейзац // ПИФК. — 2015. — № 1. — С. 216—240.
- Шелов Д.Б.* Некрополь Танаиса (раскопки 1955—1958 гг.) // МИА. — № 98. — 1961. — 94 с.
- Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Сарачева Т.Г., Столярова Е.К.* Морфология украшений // Морфология древностей. — М., 2007. — Вып. 4. — 102 с.
- Andronicos M. Vergina. The Royal Tombs and the Ancient City.* — Athens, 1994. — 244 p.
- Boehlau J. Griechische Altertümer südrussischen Fundorts. Aus dem Besitze des Herrn A. Vogell, Karlsruhe.* — Cassel, 1908. — 102 S.
- Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson (Süd-Russland). II. Teil // Praehistorische Zeitschrift.* — 1913. — Bd. V. — S. 1—79.

Greifenhagen A. Goldschmuck aus dem Berliner Antiquarium: Verluste im Kunstlager Schloss Celle // AA. — 1961. — S. 81—130.

Hoffman H., Davidson P.F. Greek Gold. Jewelry from the Age of Alexander. The Brooklyn Museum. — Mainz, 1966. — 312 S.

Isler H.P. Das archaische Nordtor // Samos. — Bonn, 1978. — IV. — 174 S.

Jacobsthal P. Arbeiten zu Pergamon 1906—1907. III. Die Einzelfunde // AM. — 1908. — Bd. 33. — S. 121—127.

Jantzen U. Griechische Greifenkessel. — Berlin, 1955. — 119 S.

Jantzen U. Greifenprotomen von Samos. Ein Nachtrag // AM. — 1958. — Bd. 73. — S. 26—49.

Juliis De M. (et.). Gli ori di Taranto in Eta Ellenistica. — Milano, 1984. — 526 p.

Kardara Chr. Rhodiake angeiographia. — Athens, 1963. — 321 p.

Kyriakou A. Exceptional Burials at the Sanctuary of Eukleia at Aegae (Vergina): the Gold Oak Wreath // BSA. — 2014. — Vol. 109. — P. 251—285.

Manzewisch A. Ein Grabfund aus Chersonnes. — Leningrad, 1932. — 14 S.

Minns E.H. Scythians and Greeks. 2nd publ. — New York, 1971. — 720 p.

Musti D. et al. L'Oro dei Greci. Catalogo. — Novara, 1992. — 162 p.

Pologiorgi M.I. Monuments of the West Cemetery at Oropos. — Athens, 1998. — 186 p.

Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks. — Tübingen, 1990. — 470 S. (Istanbuler Forschungen. — Bd. 37).

Saverkina I.I. «Rich Style» Earrings in the Hermitage and other Museums // Northern Pontic Antiquities in the State Hermitage Museum. — Leiden; Boston; Köln, 2001. — P. 1—16.

Stefanelli L.P.B. L'oro dei Romani. — Roma, 1992. — 294 p.

Themelis P., Touratsoglou J. The Derveni Tombs. — Athens, 1997. — 224 p., 148 p.

Treister M.Yu. Polychrome Necklaces from the Late Hellenistic Period (On the Question of the Origin of Necklaces with Butterfly-shaped Pendants) // ACSS. — 2004. — 10, 3—4. — P. 199—257.

Treister M.Yu., Zhuravlev D.V. Grave-Goods from a Rich Tomb in Gorgippia (?) Dating from the 2nd Century AD and Now in the Collection of the State Historical Museum (Moscow) // ACSS. — 2006. — 12, 3—4. — P. 272—289.

Tsigarida B. Couronnes, diadems, colliers et boucles d'oreille de Macédoine centrale à l'époque de Philippe II et d'Alexandre le Grand // Les Ors des mondes Grec et «Barbare». — Paris, 2006. — P. 139—152.

Williams D., Ogden J. Greek Gold. Jewelry of the Classical World. — London, 1994. — 256 p.

Woysch-Méautis D. La representation des animaux et des êtres fabuleux sur les monuments funéraires grecs. — Lausanne, 1982. — 159 p.

А. В. Буйських, А. О. Денисова,
А. В. Івченко

ЗОЛОТІ ЮВЕЛІРНІ ВИРОБИ З ОЛЬВІЇ

В статті розглянуто знахідки ювелірних виробів із золота, що походять з Ольвії та її некрополя за останні майже п'ятдесят років досліджень. В цілому їх невелика кількість (це листочки від вінків, сережки, прониз-

ки, намистини, персні, бляшки, облицювальні платівки та заготовки), тим не менш, дозволяє дійти певних висновків. Зараз можна говорити про наявність місцевого ювелірного ремесла вже на рубежі пізньої архаїки — ранньої класики. Бляшки цього часу поєднують різні стилі. Саме це й визначає своєрідність художнього ремесла Ольвії, іонійської колонії Північно-Західного Понту, в першій половині V ст. до н. е. Прикраси IV ст. до н. е. є вже частиною спільного «койне» епохи пізньої класики — раннього еллінізму, яке характеризує ювелірну справу в Середземноморському та Понтійському регіонах. Вироби цього часу знаходять аналогії переважно серед таких, які походять з некрополів античних міст, меншою мірою — з варварського середовища. І, насамкінець, ювелірні вироби, які датують першими століттями н. е., являють собою набір типових прикрас, що знаходять як в міських некрополях північнопричорноморського регіону, так і на прилеглих варварських територіях. Ольвійські золоті вироби за своїм використанням не відрізняються від тих, що відомі в інших містах Північного Причорномор'я, вони використовувалися у якості власних прикрас, а в перші ст. н. е. — переважно як деталі поховального набору. За своїм набором ольвійські золоті прикраси доримського часу більш подібні до тих, що знайдені в Херсонесі, ніж на Боспорі.

Ключові слова: Ольвія, некрополь, золоті ювелірні вироби, вінки, сережки, каблучки, бляшки.

A. V. Buiskykh, A. O. Denysova,
A. V. Ivchenko

GOLDEN JEWELLERY FROM OLBIA

Jewellery made of gold coming from Olbia and its necropolis and found in the last almost fifty years of the research is studied in the article. Their, in general, few number (leafs from wreathes, earrings, pierced pendants, beads, plates, facing plates, and unfinished products), nevertheless, allow the authors to come to certain conclusions. Today it can be spoken of local jewellery craft existing already at the border of the Late Archaic and the Early Classical periods. This period plates combine various styles. This very fact determines the peculiarity of artistic performance in Olbia, the Ionian colony at the North-West Pontic area, in the first half of the 5th century BC. The decorations of the 4th century BC are already a part of common «koine» of the Late Classical and the Early Hellenistic periods characterizing the jeweller's art in the Mediterranean and Pontic regions. Products of this period find their analogies among the jewellery coming mostly from the Ancient Greek cities' necropoleis, and to the less extent, from the barbaric milieu. Finally, jewellery dated by the first centuries AD represent a set of typical decorations found both in the city necropoleis of the north coast of the Black Sea, and in the adjacent Barbarian territories. Olbian golden production doesn't differ with its usage from the one known in other cities on the north coast of the Black Sea: it was used as private adornments and mainly as the elements of funeral assemblage in the first centuries AD. Olbian golden jewellery of the pre-Roman period is closer by their assortment to the ones found in Chersonesos, than in Bosphorus.

Keywords: Olbia, necropolis, golden jewellery, wreathes, earrings, rings, plates.

Одержано 8.12.2015

Приложение. Изделия из золота, найденные в Ольвии

Инвентарный №	Название и характеристика предмета	Количество	Проба	Размер, мм	Масса, гр	Техника	Сохранность	Условия находки: год; место; автор раскопок	Рисунок, позиция
КП П-14	Листочек из фольги с тиснением в виде прожилки	1	—	6—8 × 9	0,01	Ковка, вырезка, тиснение	Замятости	1974; некрополь/67; Козуб Ю.И.	1, 11
З-4455-4460; КП IV-109/1—6	Листочки из фольги в виде трилистника от погребального венка	6	750	37 × 25; 37 × 27; 38 × 23; 38 × 24; 35 × 25	0,94	То же	То же	1983; некрополь, скл. № 2, 12; Козуб Ю.И., Папанова В.А.	1, 5—10
З-4461; КП IV-109/7	То же	7	900	22 × 16,5; 21 × 9,5; 10 × 10; 20 × 7,5; 13 × 9; 14 × 7,5; 20,5 × 9	0,08	»	»	То же	1, 15—21
КП-748/2	Трилистник от погребального венка	1	—	21 × 17, Н 19	0,1 ¹	»	»	1999; некрополь/330, п. № 6; Козуб Ю.И.	1, 12
КП-748/3, 4	Фр-ты пластин из фольги от погребального венка	2	—	11 × 11, 18 × 6, 12,5 × 7	—	»	»	То же	1, 28—30
КП-816/2	Фр-ты листков из фольги ромбовидной формы от погребального венка	29 ²	—	39 × 26; 22,5 × 21; 31 × 27; 16 × 19; 23 × 16	0,64 ²	»	»	2007; некрополь/774, п. № 1; Ивченко А.В., Диденко С.В.	1, 22—26
То же	Фр-ты пластин от погребального венка	—	—	21 × 12, 21 × 16	»	»	»	То же	1, 31, 32
КП-818/2	Трилистники из фольги от погребального венка	2	—	33 × 14—7,5; 33 × 16—9,5	0,16 ³	»	—	2008; некрополь/344; Ивченко А.В.	1, 13, 14
То же	Пластина из фольги от погребального венка	1	—	13,5 × 12	—	—	—	То же	1, 27
КП-828/1	Листочек из фольги в виде дубового листа	1	—	32 × 23	0,16	Ковка, вырезка	Отсутствует фр. в нижней части, замятости	1996; Р-25/557; Крапивина В.В., Буйских А.В.	1, 1
КП-828/2	То же	1	—	32 × 23	0,13	То же	То же	То же	1, 2
КП-828/3	»	1	—	10 × 12	0,02	»	Фр. верхней части	»	1, 3
КП-828/4	Лента из фольги с резным зубчатым краем	1	—	36 × 5	0,26	»	2 фр.	1996; Р-25/652; Крапивина В.В., Буйских А.В.	1, 4
КП-827/1	Сережка с округлым круглым в сечении обручем с разомкнутыми концами, в основании — подвеска с зернью и сканью	1	—	Н 42,5	4,12	Ковка, пайка, волочение, филигрань	Деформирована	2005; некрополь/29; Козуб Ю.И., Ивченко А.В.	1, 37
КП-818/1	Сережка составная с ребристым круглым обручем с разомкнутыми концами	1	—	Д 14—16	0,65	Ковка, волочение	—	2008; НГС/242; Лейпунская Н.А., Каряка А.В.	1, 36
КП-821/13	Сережка с ребристым круглым обручем с разомкнутыми концами, один из которых заканчивается стилизованной головой льва	1	—	Н 19,5	3,83	Ковка, пайка, волочение, филигрань	Есть потери металла	2010; некрополь/378; Ивченко А.В.	1, 34

КП-821/14	То же	1	—	H 22	4,01	То же	—	2010; некрополь/379; Ивченко А.В.	1, 35
КП-970/1	Серьга с округлым в сечении обручем с разомкнутыми сходящимися концами и подвеской в виде астралала	1	—	D 14—16, подвеска 10 × 7	0,33	Ковка, пайка, волочение	—	2015; некрополь/175; Ивченко А.В.	1, 33
З-4462; КП IV-111	Подвеска-лунница из квадратного стержня округленного на концах с напаянными шариками	1	375	H 17 × 14,5	0,86	Ковка, пайка	—	1987; НГС, кладка 100, кв. IVA-398; Лейпунская Н.А., Самойлова Т.Л.	2, 43
КП-699/7	Подвеска амфоровидная миниаторная с гладкой поверхностью и шариком в основании	1	—	H 13, d 4,5	0,24	Штамповка, пайка, зернь	Деформирована	1992; некрополь/83; Панова В.А.	2, 41
КП-699/8	Подвеска амфоровидная с продольными рифлениями с имитацией зерни	1	—	H 23, d 9,5	0,83	Штамповка, пайка	Основание утрачено, деформирована	1992; некрополь/84; Панова В.А.	2, 40
КП-699/9	Подвеска амфоровидная, в верхней части украшена листочками, в нижней — продольные рифления с вдавленными	1	—	H 26, d 11	0,97	То же	Основание утрачено	1992; некрополь/85; Панова В.А.	2, 38
КП-699/10	Подвеска амфоровидная, в верхней части украшена листочками, в нижней — продольными рифлениями, завершается шестилепестковой розеткой	1	—	H 27—28, D 11	1,2	»	Деформирована	1992; некрополь/86; Панова В.А.	2, 39
З-4472; КП-705/2	Подвеска в виде капли со вставкой из граната, обрамленная по краю рубчатой проволокой	1	916	9 × 18	0,9	Ковка, пайка, инкрустация	Целая	1993; P-25/1734, яма № 706; Крапивина В.В., Буйских А.В.	2, 45
КП-820/1	Подвеска амфоровидная с вертикальными каннелорами и кольцами с зернью в верхней части и у основания	1	—	H 18	0,91	Штамповка, пайка, зернь;	Деформирована	2009; P-25/41; Крапивина В.В., Буйских А.В.	2, 42
КП-909/12	Подвеска-листочек из фольги с тиснением в виде прожилок	1	—	10 × 18	0,20	Ковка, тиснение	Смятая	2011; P-25/504; Буйских А.В.	2, 44
З-4454; КП II-51	Пронизка цилиндрическая из скрученной в трубочку пластины с пуансонным орнаментом	1	900	D 5, дл. 30	0,52	Ковка, пайка, тиснение	Целая	1973; некрополь/249, л. 20; Козуб Ю.И.	2, 56
З-4464; КП IV-423	Пронизь составная, из 2 половинок с рельефным орнаментом. Отверстия укорашены тонкой, рубленой проволокой, имитирующей зернь	1	750	L 16, D 5—7	0,79	Штамповка, пайка	Деформирована	1990; некрополь; Кржицкий С.Д., Липавский С.А.	2, 51
КП-748/1	Пронизка из 2 цилиндрических рифленных трубочек с рифленными муфточками	1	—	L 25—26 × 9—10	2,06	Ковка, пайка, тиснение	Целая	1999; некрополь/329; Козуб Ю.И.	2, 58
КП-770/1-13	Пронизки из тонкого листа с поперечным рифлением	13	—	L 8, 9, 11	0,77	То же	То же	2002; некрополь/396; Козуб Ю.И., Хомчик М.А.	2, 52

Окончание приложения

Инвентарный №	Название и характеристика предмета	Количество	Проба	Размер, мм	Масса, гр	Техника	Сохранность	Условия находки: год; место; автор раскопок	Рисунок, позиция
КП-827/2	Пронизь круглая составная, украшенная зернью и сканью	1	—	D 7	0,36	Ковка, пайка, филигрань, зернь	Сплюснута	2005; некрополь/264; Козуб Ю.И., Ивченко А.В.	2, 46
КП-821/10-11	Пронизки-трубочки из тонкого листа с гладкой поверхностью	2	—	5 × 2	0,99	Ковка, пайка	—	2010; некрополь/381; Ивченко А.В.	2, 47
КП-821/2-9	Бусины биконической формы	8	—	D 4—5	—	Ковка, пайка	Некоторые распаялись по шву	То же	2, 47
КП-821/12	Бусина проволочная в полтора оборота	1	—	D 4	—	То же	—	»	2, 47
КП-953/3	Пронизь-трубочка с поперечным рифлением	1	—	L 8	0,08	Ковка, пайка, тиснение	Целая	2014; некрополь/119; Ивченко А.В.	2, 53
З-4469; КП-699/11	Бусина составная биконической формы	1	500	D 3	0,06	Ковка, пайка	Деформирована	1992; некрополь/87; Панова В.А.	2, 57
З-4470; КП-699/12	То же	1	500	D 3	0,07	То же	Половинки разделены и деформированы	1992; некрополь/87-а; Пананова В.А.	2, 54
З-4471; КП-705/1	»	1	500	D 4	0,12	»	Целая	1993; Участок АГД, случ. Находка; Русяева А.С.	2, 49
КП-771/2	Бусина составная из двух половинок, округлая в сечении	1	—	D 3,5	0,09	»	То же	2003; Подв/35; Крыжички С.Д., Смирнов А.И.	2, 50
КП-771/3	Половина бусины свернутая в конус	1	—	L 5	0,04	»	Деформирована	2004; НГС/375; Лейпунская Н.А., Назарчук В.И.	2, 55
КП-818/4	Бусина составная биконической формы с напаянными у отверстия кольцами из проволоки	1	—	D 8	0,22	»	Есть трещина	2008; некрополь/431, склеп № 7; Ивченко А.В.	2, 48
З-4463; КП IV-112	Кольцо. Обруч округлый круглый, сечение округлое полукруглое, сплошной цельный, сомкнутый	1	900	D 20—23	2,35	»	Целое	1987; Ю3А, кв. Е/3; Русяева А.С., Назарчук В.И.	2, 60
З-4473; КП-709	То же	1	585	D 20	1,27	»	То же	1995; некрополь/192; Козуб Ю.И.	2, 61
КП-821/1	Кольцо. Обруч круглый округлый, сечение округлое круглое, сплошной цельный с разомкнутыми концами	1	—	D 17,5—18,5	0,69	»	»	2010; Р-25/1545; Крапивина В.В., Буйских А.В.	2, 62
КП-821/15	Перстень. Обруч круглый, сечение плоское прямоугольное, сплошной цельный сомкнутый. Щиток овальный со вставкой из стекла (?)	1	—	D 20—17,5; щиток 7,5	2,54	»	Деформирован	2010; некрополь/380; Ивченко А.В.	2, 59

З-4423-4424; КП П-17, 18	Бляшки нашивные с изображением Сирены. На обратной стороне по 2 петельки	2	958	15 × 13, 15 × 12	по 0,37 пайка	Штамповка, пайка	Целые, патинированы	1970; некрополь/1405—1406; Козуб Ю.И.	2, 64, 65
З-5532-5533; КП П-20, 21	Бляшки нашивные круглые с 2 дырочками, край загнут	2	958	D 5	по 0,01	Штамповка	Целые	1973; некрополь/387, п. № 20; Козуб Ю.И.	2, 67
З-4425-4453; КП П-22—50	Бляшки-розетки круглые с концентрическими кругами в центре и насечками по краям	29	900	D 9—11	0,57	Штамповка, пайка	Часть деформирована	1973; некрополь/250, п. № 20; Козуб Ю.И.	2, 66
КП-769/1—5	Бляшки нашивные ажурные в виде 6-лепестковой розетки	5	—	D 15—17	0,42	То же	1 целая, 4 с поперьями	2002; некрополь/391—395; Козуб Ю.И., Хомчик М.А.	2, 70
КП-816/1	Бляшка нашивная прямоугольная с рельефным изображением грифона	1	—	13,5 × 16	0,41	»	Целая	2007; P-25/429; Крапивина В.В., Буйских А.В.	2, 63
КП-818/3	Бляшка нашивная в виде капли с насечками по краю	1	—	8 × 10,5	0,06	»	Деформирована	2008; некрополь /343; Ивченко А.В.	2, 68
КП-953/1	Бляшка нашивная ажурная в виде 6-лепестковой розетки	1	—	D 15—16	0,21	Штамповка	Целая	2014; некрополь/117; Ивченко А.В.	2, 71
КП-953/2	Бляшка нашивная треугольная с 4 рядами поперечного рифления	1	—	7 × 7	0,04	То же	То же	2014; некрополь/118; Ивченко А.В.	2, 69
КП-820/2	Фр. фольги с загнутым в петлю краем	1	—	6 × 8	0,05	—	Фр.	2009; P-25/71; Крапивина В.В., Буйских А.В.	2, 73
КП-821/16	Фр. накладки с пуансонным орнаментом	1	—	15,5 × 16	0,28	Штамповка	2 неполных фр.	2010; P-25/3491; Крапивина В.В., Буйских А.В.	2, 74
КП-954/1	Фр. фольги с рельефным орнаментом	1	—	10 × 12	0,12	Тиснение	—	2014; P-25/1335; Буйских А.В.	2, 72
КП-771/1	Заготовка в виде уплощенной овальной пластины	1	—	13 × 15	4,5	—	Хорошая	2003; Т-3/1; Назарчук В.И.	2, 75
КП-954/2	Заготовка в виде квадратного брусочка	1	—	25 × 3	3,43	—	То же	2014; P-25/635; Буйских А.В.	2, 76

Примечания. ¹ Дана масса для всего комплекта (КП-748/2—4). ² Дано для всего комплекта (КП-816/2); более крупные — 7, остальные — ³ Мелкие. Дано для всего комплекта (КП-818/2).